

Примечание

¹ Здесь и далее данные о численности говорящих приводятся по работе *Mano, Sands* 2002.

Литература

- Языковая ситуация... 1975 – Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.
Batibo 2000 – *Batibo H.M.* The Linguistic Situation of Tanzania // *Lugha za Tanzania. Languages of Tanzania* / Eds. K. Kahigi, Y. Kihore, M. Mous. Leiden, 2000.
Mano, Sands 2002 – *Mano J.F., Sands B.* The Languages of Tanzania. A Bibliography. Göteborg, 2002.
Mkude 1999 – *Mkude D.J.* Ujenzi wa demokrasia na sera ya lugha nchini Tanzania: Kiswahili/Kiingereza dhidi ya lugha za jumuiya ndogondogo (Создание демократии и языковая политика в Танзании: суахили/английский против языков мелких этносов) // *Kiswahili katika elimu* (Суахили в образовании). Dar es Salaam, 1999.
Qorro 1996 – *Qorro M.* Matumizi ya Kiswahili, Kiingereza kufundishia: Wanaotoa maoni hawajafanya utafiti (Использование суахили и английского в преподавании: высказывающие свое мнение не проводили исследования этой проблемы) // *Rai*. 1996. Desemba 5–11.
Rubagumya 1994 – *Rubagumya C.M.* Language Values and Bilingual Classroom Discourse in Tanzania Secondary Schools // *Language, Culture and Curriculum*. 1994. № 7 / 1.
Ryanga 2002 – *Ryanga S.* The African Union in the Wake of Globalization: the Forgotten Language Dimension // *KISWAHILI*. Juzuu 65. 2002.
Whiteley 1969 – *Whiteley W.* Swahili. The Rise of a National Language. L., 1969.

ЭО, 2007 г., № 2

© Э.С. Львова

ГОРОЖАНКИ ТАНЗАНИИ СЕГОДНЯ*

Гендерные исследования уже стали важным самостоятельным научным направлением. Социальные роли мужчин и женщин стремительно меняются в современном информационном мире. Это видно во всех странах мира. Но особенно заметны эти изменения в обществах, где еще не так давно господствовали отношения, которые принято называть традиционными. Всего разительнее и быстрее это происходит в связи с бурно проходящей урбанизацией. У многих африканских народов статус женщины был достаточно высок (в частности, она нередко обладала правом развода, имела личную собственность, свободу хозяйственной деятельности и т.д.). Однако он был ограничен определенными рамками – обычными нормами большой неразделенной семьи, деревни и т.п. Ныне разрушаются не только такие рамки, но и этнические границы, изменения происходят и в сфере семейно-брачных отношений, профессиональной деятельности и т.п. Особенно заметно это в условиях городской жизни. Это подтверждают и наши наблюдения, сделанные в ходе российско-танзанийской экспедиции, работавшей в 2003 г. в Танзании.

Сегодня население Дар-эс-Салама отличает большая пестрота. Среди наших респондентов были представители 59 этносов (не считая "азиатов" – так в Восточной Африке принято называть представителей индо-пакистанской общины), греков, арабов и иных и более сотни детей от смешанных браков. Не менее сложен и конфессио-

Элеонора Сергеевна Львова – доктор исторических наук, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки при МГУ; e-mail elvova@mail.ru

* Статья написана на основании анкетирования и наблюдений, проведенных в Танзании в 2003 г. Материалы экспедиции (анкеты и интервью) хранятся в Институте Африки РАН. Все отсылки на конкретные ответы респондентов см.: Мусульмане и христиане в современной Танзании / Отв. ред. А.Д. Саватеев. М., 2005.

из дома с сопровождением. Это хорошо видно на улицах Дар-эс-Салама. Много девочек и девушек, в том числе мусульманок, не снимающих на тренировках платка, занимаются карате. Так родители готовят их к тому, что им придется ходить по городу без защиты.

Свободная, работающая женщина отнюдь не презираема. Так, одна наша соотечественница, принявшая ислам, развелась с мужем-мусульманином, открыла собственную аптеку и снискала любовь и уважение соседей и покупателей. Из истории ее жизни в Танзании видно, что ныне развод по инициативе женщины не только вполне возможен, но и не наносит ущерба ее репутации.

Изменились и отношения в семье между мужем и женой; женская покорность нередко не в чести. Правда, в ответах и мусульманок, и христианок заметна неоднородность, многовариантность – присутствуют все варианты: жена должна не возражать мужу "всегда"; "в особых случаях"; "безусловно, может иметь свое мнение". Большинство респонденток все-таки склонялось ко второму варианту – "в особых случаях", однако одно лишь наличие в ответах третьего варианта уже само по себе очень показательно.

Изменилась и сама семья. Все чаще не старшие родственники, а сами молодые люди находят себе пару. Если ранее браки совершались строго в рамках своего этноса, учитывалось множество ограничений в выборе брачного партнера, то ныне постоянно растет число смешанных семейных союзов. В одной семье зачастую не только члены разных этносов, но и разных конфессий. Однако если разноэтнические браки воспринимаются спокойно, с разноконфессиональными возникают некоторые сложности. Немало примеров, когда в семьях христиан родственники (сестры, братья, кузены, дяди) – мусульмане. Обратная ситуация наблюдается реже. Известны случаи, когда одна жена – христианка, другая (вторая после развода или даже одновременно) – мусульманка. В таких случаях именно женщины передают свою религию детям. Иногда христиане меняют конфессию, чтобы жениться на мусульманке, либо (гораздо реже) мусульмане принимают христианство. Отношение взрослых людей к возможным смешанным бракам детей – очень разное, от полного неприятия до сдержанности. Однако все чаще главным начинают считать не конфессиональную принадлежность, а личные качества будущего родственника или родственницы. "Зависит от человека" – таков частый ответ в наших анкетах на вопрос об отношении к таким ситуациям.

Старая традиция больших неразделенных семей еще жива в деревнях и небольших городках. Там молодожены живут вместе с родителями и семьями своих братьев и сестер. При этом молодой муж обязан заботиться в первую очередь о кровных родственниках и лишь затем о собственных жене и детях. Не так давно эти правила еще существовали и в Дар-эс-Саламе. Незнание этих норм очень осложняло жизнь наших соотечественниц, вышедших замуж за танзанийцев. Так, одна из них, приехавшая в страну в 1980-е годы, рассказывала, что первое время ей пришлось жить в такой семье с мужем, который свои небольшие заработки тратил на родственников, оставляя ей и дочери минимум. В современном Дар-эс-Саламе преобладают уже малые (нуклеарные) семьи, даже если в городе живет много родственников.

Зачастую соседские связи становятся крепче и родственных, и этнических, и конфессиональных. Формируются своеобразные сообщества "мчезу", объединяющие соседей независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Решающая роль в них принадлежит женщинам. *«Соседи, чаще женщины, образуют "мчезу" и "черную кассу". Накопленные деньги берут поочередно»*, – говорил один из наших респондентов, христианин-лютеранин. *"Свадьбы, похороны проводят обязательно вместе и христиане, и мусульмане, живущие по соседству"*, – вторит ему мусульманин. Они при необходимости оказывают своим членам финансовую помощь. Соседки же собирают средства, участвуют в организации и проведении праздников обрезания или крещения, свадеб, похорон.

Традиционное общество признавало многоженство. Полигамия не только допускалась, но и одобрялась. Это хорошо демонстрирует фольклор – у многих народов существуют сказки о том, как жены помогают мужу в трудных ситуациях и даже спасают его от смерти. Каждая из них при этом действует по-своему, но лишь усилия всех вместе достигают успеха. Правда, полигамия была далеко не обязательна. Европейские путешественники конца XIX в., например, указывали, что в деревне может быть несколько жен у вождя, по две – у трех-четырех крестьян, остальные же мужчины имели по одной жене.

Если Коран допускает для мусульман брак одновременно с четырьмя женами, то в традиционном праве таких ограничений не было. Один из наших респондентов рассказывал, что у его отца в пров. Букоба (на северо-западе Танзании) было девять жен. Сравнительно легко проходили разводы. Но если в исламе официально лишь муж мог быть активной стороной этого процесса, то традиционное право давало и женщине при определенных условиях возможность расторгнуть брак. Христианство же, как известно, разрешает лишь одну жену и не поощряет, а то и категорически запрещает разводы.

Ныне в современном африканском городе меняется и практика, и отношение к этому явлению. Среди наших респондентов было немало и женщин, и мужчин, переживших развод и состоящих во втором, а то и в третьем браке. Полигамия принимается общественным мнением и не осуждается. При регистрации брака в муниципалитете каждый мужчина должен сказать, намерен ли в будущем ограничиваться одной женой (это касается и христиан, и мусульман). Нашими наблюдениями зафиксирован случай, когда католик имел двух жен. Часто мусульманин мог иметь одну жену-мусульманку и вторую – христианку. Далеко не все знают, сколько жен разрешается иметь мусульманам; называли цифры от 1 до 6, а бывал и такой ответ – "сколько хочет". Однако среди наших респондентов не было отмечено ни одного полигамного брака.

Меняется и общественное мнение о полигамии. Конечно, большинство христиан относится к ней резко отрицательно. Иногда поясняют: *"Господь велел, чтобы один мужчина был с одной женщиной, как Адаму он дал одну Еву"* или *"Господь создал одного мужчину и одну женщину, а не одного мужчину и десять женщин"*. Часто мотивы отрицания этого обычая были не религиозные, а чисто материальные. Так, неженатый молодой человек, православный по вероисповеданию, говорит: *"Мне кажется, что трудно планировать будущую жизнь. Лучше иметь одну жену, чтобы (легче) подняться (по социальной лестнице)"*. Другая христианка считает: *"Трудно растить детей и заботиться даже об одной жене"*. Немало участвующих в анкетировании были просто безразличны к этой проблеме.

Вместе с тем встречались неожиданные положительные оценки этого института христианами. Например, один юноша-пятидесятник пишет, явно обдумывая будущее: *"зависит от ситуации, в которую я попаду, (в целом) я поддерживаю этот обычай"*. Другая христианка, православная, считает полигамию допустимой, *"если муж может обеспечить (жен) финансово"*. Ей вторит другой православный: *"Человек может иметь много жен, если это никому не мешает и не создает беспокойства"*. Как видим, у христиан Дар-эс-Салама наблюдается очень терпимое отношение к этой культурной ценности, вызывающей резкий протест у христиан всего мира. Значительная часть их не осуждает ее, а некоторые даже пытаются осмыслить и принять ее, хотя и при соблюдении некоторых условий. Несомненно, в этом видно влияние каждодневного общения с мусульманами, как и память о традиционных правовых формах дохристианских времен.

Поднялась и возрастная граница для вступающих в брак. В традиционном обществе Танзании, как и у большинства народов Африки южнее Сахары, она была достаточно низка. Для девушек это 11–13 лет, для молодых людей – 16–17. Лишь у немногих народов, строго придерживавшихся правил, характерных для обществ с развитой системой

возрастных классов (например, оромо Эфиопии или зулусы Южной Африки), юноши получали разрешение на женитьбу лишь при достижении категории "старших воинов", а это могло быть и в 20, и в 28 лет. Бывали случаи детских браков, как у машона Зимбабве, – своеобразная подготовка к семейной жизни в игровой форме. Появление ислама мало повлияло на брачный возраст, поскольку у мусульман также приняты ранние браки. В современном городе (это подтверждают и наши материалы) заметно резкое увеличение брачного возраста. Из ответов респондентов на наши анкеты мы видим, что часто девушки (в том числе и мусульманки) в 21, 23 и даже в 27–28 лет еще не замужем. На объявлениях о венчании в англиканском храме зафиксирован возраст 23–26 для невест и 27–32 года для женихов.

Значительное изменение претерпели свадебные церемонии. Брак для африканца – очень важный этап в жизни. От него зависит не только счастье и благополучие молодой пары, но и само существование этноса. Поэтому всегда были очень важны ритуалы и обряды, связанные с подготовкой к этому событию, а также сама церемония бракосочетания. Наибольшее внимание уделялось будущей жене и матери, которой предстояло обеспечить будущее народа, породив многочисленное и здоровое потомство. Девочек заранее готовили к замужеству. Подготовку начинали с момента наступления половой зрелости, когда проводили специальные обряды инициаций, включавшие обрезание и дефлорацию. Но главным содержанием этого периода было обучение всему, что ей будет необходимо во взрослой, замужней жизни. Особая наставница "кунгви" учит ее "следить за собой, жить праведно, людей уважать; учат ее стряпать, циновки плести; учат, как с мужем вести себя" (Velten, 1903).

В знатных семьях мусульман-суахили подобную роль играла жена или вдова "мвалиму" – учителя, знатока Корана. Она должна была еще и научить девочку чтению и письму, познакомить с основами веры. Возможно, одной из таких женщин была и Мвана Купона Мшаму (1810–1860). Она жила в Пате и оставила поэтическое "Наставление дочери" для своей дочери Бинти Шеа, жившей в Ламу. Вот несколько ее заветов:

Одежда должна быть пышна,
Жена должна быть нежна.

* * *

Да будет твой муж тобой
Доволен, как сам собой,
В день каждый и час любой
Пусть счастлив будет с тобой.

* * *

С мужем согласно живи,
Напрасно его не гневи,
Отчитывает – яви
Понятливость и разумность.

* * *

Внимай с душой его речь,
Желаньям его не перечь,
Не спорь с ним бесперечь,
Кто ссорится, тот страдает.

* * *

Ухаживай, как за дитем,
И малолетним притом,
Не забывай и про дом –
Деньги расходуй разумно.
Дни проводи любя.
Если же он вне себя
И обижает тебя –
Бог тебя не оставит.

* * *

Будь с мужем в делах его,
Однако же ничего
Не делай против него,
А также его замышлений (Поэзия Африки, 1979)

Выбор невесты всегда был делом родственников, нередко молодые даже не виделись до свадьбы. Шел долгий процесс сватовства, переговоров, обмена подарками, выплаты выкупа "махари" и т.д. Обязательным и при подготовке, и при проведении свадьбы являлось обращение к духам саванны, гор или океана. Кульминацией праздника был пир, в котором принимали участие все родственники, зачастую приехавшие издалека.

Ныне в этих ритуалах произошли немалые изменения. Нередким стал самостоятельный выбор молодежи. Появление новых структур, урбанизация разрушили этническую замкнутость, разорвали казавшиеся неизблемыми кровнородственные связи; школьное и высшее образование свело до минимума, а то и на нет инициационную женскую обрядность. С появлением ислама, а затем христианства снизилась потребность в умиловании и покровительстве местных духов природы и предков, но появились новые правила, привнесенные этими религиями – венчание или заключение брака кадием. Следует заметить, что несмотря на многовековое существование (не менее 1000 лет) ислама на побережье и островах Индийского океана, традиционные правила сохранялись вплоть до XX в. (*Velten*, 1903: 24). Записи рубежа XIX–XX вв. отмечают лишь произнесение "фатихи" женихом и невестой. За благословением обращались не к Аллаху, а к Мунгу – верховному божеству демиургу (впоследствии в христианской литературе этим словом стали называть Бога). Наблюдения середины XX столетия демонстрируют усиление мусульманских черт в организации бракосочетания – затворничества невесты, заключение брака "шейхом" в ее отсутствие и т.п. (*Beckwith, Fisher* 1999: 240–244). Со временем строгие правила смягчались, а возникновение административных структур государства позволило обходиться вообще лишь регистрацией в муниципальных органах.

Однако и при таком упрощенном способе бракосочетания осталась потребность в праздничности, обрядовости. И какие-то элементы традиционной обрядности сохранились, но приобрели новые оттенки. Так, обычно перед собственно бракосочетанием проходило несколько женских "вечеров". Родственницы жениха проводили "кулепека беги" (давать сумки) и приносили подарки от жениха, а родственницы невесты отвечали праздником "кулепека мсуаки" (букв. "давать зубную щетку" – особые палочки для чистки зубов, которые разжевывали и массировали ими рот), на котором передавали для жениха различные предметы туалета. Перед самой свадьбой на "кутолеза нзе" украшенную драгоценностями (до нескольких килограммов) девушку в особом наряде из ткани, где были вытканы тексты пословиц сексуального содержания, представляли родственницам жениха. Собственно брак заключался в мечети, невеста молча сидела дома, ожидая жениха, тогда как женщины – родственницы с обеих сторон – танцевали, закусывали, пели песни, в которых в достаточно фривольной форме давались советы молодой жене.

Практика многоступенчатых празднеств сохранилась, но сами они видоизменились. Нам удалось наблюдать несколько таких женских встреч и при мусульманской, и при христианской свадьбе. Изменились и названия этих встреч, теперь они исходят из английского языка, официального (наряду с суахили) в Танзании. "Китчен пати" (кухонная вечеринка) заменила "кулепека беги", а "сенд офф" (отсылка, провожание) – "кутолеза нзе". Среди подарков на этих вечеринках – не только посуда и полотенца, но и холодильник, мебель, а то и ключи от машины. Сопровождается вручение подарков песенными пожеланиями весьма вольного стиля, вызывающими смущение невесты и

веселый смех присутствующих. Церемония "кулепека мсуаки" утратила публичный характер и проводится без объявления и специальных празднеств.

Современная городская свадьба – большое событие не только для родственников молодых, но и для соседей, даже если они принадлежат к иным этносам и конфессиям. Оглашение проводится за четыре-пять месяцев до свадьбы, и это время посвящается подготовке, большая роль в которой отводится "мчезу" (см. выше). Выбирается особый "комитет" из старших женщин, которые следят за соблюдением как старых, так и новых (возникших в последние 10–15 лет, по словам наших информантов) правил. Нередко приглашается распорядительница со стороны. Ныне существуют специализированные фирмы, которые обслуживают свадьбы – арендуют большие помещения, занимаются украшением их цветами и воздушными шарами, готовят легкие закуски и напитки – коку, пепси, спрайт, которые заняли место традиционного пальмового пива.

Эти праздники – редкая возможность в жизни женщины показать свой вкус, продемонстрировать наряды и украшения. Мусульманки приходят на предсвадебные "девичники" в ярких нарядных платьях свободного покроя из дорогих тканей с тонко подобранными (по контрасту или подобию) шарфами и покрывалами, закрывающими голову и плечи. Христианки носят вечерние декольтированные платья по последней европейской моде, облегающие фигуру, либо (чаще у женщин среднего или пожилого возраста) – "африканские" платья: сшитые из "канги" длинные юбки и облегающие кофточки с пышными короткими рукавами и причудливо повязанные головные платки из ткани платья. Как правило, родственницы невесты покупают ткани одной расцветки и либо шьют из нее весь наряд, либо делают отделку или шарфики.

На встречах мусульманок зал заставлен стульями, а часть помещения устлана коврами, на которых располагаются песенники и музыканты. Христианки ставят столики с легкими напитками и оставляют место для танцев. На тех "китчен пати" и "сенд офф", которые нам удалось посетить, собиралось около 200 женщин. Мужчины – только музыканты и фотографы. Мужчины-родственники, привезшие своих женщин, скромно ждали за пределами праздничного зала.

Ритуал христианского бракосочетания типичен для всех христиан мира. Венчание проходит в храме. Нередко не имеет значения, какого именно направления в христианстве придерживаются жених и невеста. Католичка и лютеранин, например, могут венчаться в англиканском храме, если он расположен поблизости или если священник в нем – родственник или хороший знакомый. Если один из брачующихся исповедует ислам, а другой – христианство, они могут ограничиться гражданской регистрацией либо выбрать смену религии одним из них.

Городская мусульманская свадьба в Дар-эс-Саламе приобрела своеобразные черты, отличающие ее от канонической. Сам акт происходит в мечети в отсутствие невесты, но она ждет жениха вместе с гостями (до 200–300 человек), слушая песни и поздравления. Невеста – в пышном вечернем туалете по последней европейской моде, лицо ее приоткрыто легкой кисеей бледно-зеленого цвета. Через полтора часа подружка невесты приоткрывает лицо, что вызывает восторг у присутствующих женщин. Затем появляются шейх с книгой записей, жених и его дружка. Девушка ставит свою подпись в книге, жених и дружка занимают места рядом с невестой и ее подружкой, и празднество продолжается. Кисея с лица невесты отбрасывается. Жених целует невесту(!), они выпивают по бокалу минеральной воды и обмениваются кольцами. К концу празднества, по истечении нескольких часов, появляются все члены семей невесты и жениха, включая и мужчин. Торжественно разрезается торт, все семейство фотографируется.

И у христиан, и у мусульман по завершении всех церемоний новобрачные вместе с кавалькадой гостей и оркестром совершают тур по городу и обязательно подъезжают к берегу океана. Здесь они выходят из машин и, приблизившись к самой кромке воды, кланяются. Кто знает, может быть, в этот момент они вспоминают предков, прино-

сивших жертву духам ветра и океана и просивших у них благословения новой семейной пары.

Высокая детность – традиционная и ожидаемая черта африканского общества. Именно дети составляли основное богатство семьи. Долгое время эта традиция в Танзании сохранялась и в деревне, и в городе. Так, среди наших респондентов был англиканский епископ, восьмой ребенок из 13 детей в семье. Бездетность, как и безбрачие, полагались самым большим несчастьем. Да и все религии, распространенные в Танзании, ориентированы на демографический рост, запрещают аборт, не одобряют, а то и категорически запрещают (как католики) разводы и поощряют создание семьи именно для продолжения рода. Обычаев, связанных с потребностью демографического спада (широкого распространения монашества, поощрения контрацепции, высокого брачного возраста, запрета вдове выходить вновь замуж и т.п.), здесь никогда не было. Именно поэтому во многих странах Африки разнообразные программы планирования семьи, ориентированные на одного-двух детей, потерпели неудачу. Казалось бы, для глубоко религиозного населения (а понятие "атеизма" тут практически неизвестно) вполне естественным ответом на вопрос об оптимальном количестве детей был бы: "сколько Бог (вариант – Аллах) пошлет". Тем не менее лишь единицы наших респондентов ответили, что "это зависит от воли божьей". Большинство имеют одного-трех, редко четырех детей. Оптимальным числом считают двух-четырёх в семье, лишь несколько назвали шестерых. А некоторые добавляли: "сколько могут и хотят вырастить родители" (превалирует воля отдельного человека, а не Бога).

Многоступенчатые церемонии, связанные с обрядами жизненного цикла, социализацией детей и сопровождаемые многолюдными празднествами, в городе упростились, а некоторые из них просто исчезли. По сообщениям сотрудников Национального музея и Института социологии Университета Дар-эс-Салама, такие церемонии в городских условиях проводятся только представителями народа маконде, да и то весьма нерегулярно (ПМА 2, 2003). Именно женщины чаще сожалеют о том, что не приняты особые церемонии, связанные, например, с взрослением. Нередкие ответы в анкетах об отношении к ним – "таких нет, но хорошо бы ввести". Об этом говорят даже католички, в обрядность которых входит конфирмация. Более эмоциональные, нежели мужчины, они, видимо, тоскуют о недостатке некоторой праздничности в жизни.

Полностью исчезла родильная обрядность; роды, как правило, проходят в клиниках и больницах. Утратил торжественность и традиционную сакральность обряд наречения имени. Когда-то была принята смена имен. Сначала давалось детское имя, более похожее на прозвище: Панья – мышка; Кидагаа – рыбка и т.п. Затем ребенок получал имя старшего родственника по отцовской линии (мальчики) или по женской (девочки). Новое имя появлялось по завершении инициаций. Могло быть также "имя охоты"; менялось имя при достижении новых социальных должностей (подробнее см.: Львова, 1996а: 116–136; Кирьянов, Гиренко 1986: 288–291). Сейчас это уже не происходит. Давно изменилась антропонимическая формула. В ней, состоящей из нескольких членов, сосуществуют традиционные и христианские (или мусульманские) имена. При этом, как и в других африканских обществах, традиционное имя все чаще воспринимается как фамилия (наследственное имя). Примером может служить, например, имя первого президента независимой Танганьики, заслужившего титулы "Учитель" и "Отец нации", – Джулиуса Камбареге Ньерере.

От сложных и длительных обрядов инициаций, занимавших иногда не одну неделю и проходивших раз в несколько лет (подробнее см.: Калиновская 1989, о суахили – Жуков 1983: 138–140), сохранилось лишь обрезание мальчиков. Это обязательное правило и для мусульман, и для христиан Танзании, более связанное с традиционными нормами, нежели с исламом. Сама эта операция проводится ныне не по достижении половой зрелости или позднее, как диктовали традиции, а в раннем детском возрасте, а то и при рождении. Она утратила сакральный смысл и совершается хирургами в

больницах. Нет и коллективного действия, когда прошедшие одновременно эту обрядность мальчики формировали возрастной класс, сохранявший единство в течение жизни, а ведь система таких церемоний и в связи с этим изменения статуса были основой социальной структуры общества. Сейчас обрезание – индивидуальное, внутрисемейное дело. Остается еще практика широкого празднования этого события. На него собираются все родичи и соседи, вкладчину обеспечивающие проведение праздника. Однако и оно становится желательным, но уже не обязательным. Так, одна из наших респонденток рассказала, что на собранные "мчезу" деньги был куплен велосипед для 5-летнего "героя дня", другая семья истратила эти средства на покупку холодильника. Инициации в более позднем возрасте (вступление в класс "молодых воинов", "старших воинов", "старейшин") уже давно не проводится не только в городах, но и в сельской местности. Современный язык сохранил лишь их следы. Так, термином "мзее" (старик), который был типичен для человека, достигшего высшей ступени социализации в традиционном обществе, ныне суахили называют любого уважаемого мужчину, и скорее он означает простое обращение "господин" такой-то.

Получавшиеся ранее во время инициационного периода навыки культуры, воспитания, обучения ныне заменены школьным образованием. Нет данных о том, что родители-горожане Танзании отправляют детишек на каникулы к деревенским родственникам, где они получают, пусть в сокращенном виде, традиционное воспитание, как, например, это случается в Абиджане в Кот д'Ивуаре (ПМА 1, 1989). Более важным считается религиозное образование (и христианами, и мусульманами). Первые религиозные знания дети получают дома, прежде всего от матерей. Именно женщины своим поведением, общением в семье и с соседями, в домашних разговорах прививают нужные навыки. Не случайно, большинство респондентов на вопрос, когда они стали членами той или иной конфессии, отвечали: "с рождения", "с 2–3–4 лет". Многие считают, что именно дома нужно учить детей религии, хотя бы раз в неделю специально говорить о Боге (Аллахе) и минимум раз в месяц водить в церковь (мечеть). Есть и такие, кто полагает необходимым разговаривать на эти темы каждый день, посещать храм каждое воскресенье, обязательно молиться перед трапезой и перед сном. В школах проводятся "уроки Библии", в некоторых – факультативные занятия "этики и морали", в рамках которых говорится о разных конфессиях.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают существование значительных изменений в положении женщины в городах Танзании. Рост числа "нуклеарных" семей, выход женщины за рамки семьи ведет к увеличению их роли в обществе, за границами своего этноса и своей конфессии. Исчезают и традиционные нормы семейно-брачных отношений, и мусульманская замкнутость женщин, и христианский постулат "жена да убоится мужа своего". Женщины активно занимаются разными профессиями, образуют соседские общества взаимопомощи. Особенно заметны изменения в семейно-брачных отношениях и связанной с ними обрядности.

Источники и литература

- Жуков 1983 – Жуков А.А. Культура, язык и литература суахили, Л., 1983.
Калиновская 1989 – Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. М., 1989.
Кирьянов, Гиренко 1986 – Кирьянов В.И., Гиренко Н.М. Суахили // Системы личных имен у народов мира / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1986.
Львова 1996а – Львова Э.С. Новое в антропонимии народов Тропической Африки // Имя и этнос / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1996.
Львова 1996б – Львова Э.С. Культуры народов Тропической Африки: история взаимодействия и тенденции развития, М., 1996.
ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кот д'Ивуар, декабрь 1989 г. Тетр. 1.
ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Танзанию, апрель 2003 г. Тетр. 1–3.

Beckwith, Fisher 2001 – *Beckwith C., Fisher A.* The African ceremonies. Vol. 1. N.Y., 2001.
Velten 1903 – *Velten K.* Desturi za Waswahili. Goettingem, 1903 (есть в переводе А.А. Жукова в кн.:
"Культура, язык и литература суахили").

Russian Anthropologists in Tanzania (guest editor of the section: M.L. Butovskaya)

The articles presented in the section are a product of several seasons of fieldwork (2003–2006) of a group of Russian anthropologists in Tanzania, headed by D.M. Bondarenko and M.L. Butovskaya. As the first after the breakdown of the USSR complex field endeavour of Russian scholars in Africa, this series of expeditions is an important disciplinary step in continuing to learn and understand East African cultures. A range of goals were pursued in these expeditions, from the study of Islam-Christian relations in the contemporary urban milieu to the investigation of social structure, interethnic relations, children's status, and issues of conflict in relatively isolated town and village communities.

The article by M.L. Butovskaya and A. Mabula presents materials obtained during the course of the authors' fieldwork among Hadza children in Northern Tanzania. Issues of children's socialization in multi-ethnic school communities, as well as aggression, conflict, and postconflict behaviour, are in the focus of the article. A.V. Korotaev and D.A. Khalturina explore the processes of formation of the Tanzanian nation within the context of various modernization trends that shape social, economic, and political realities of the country. They argue that modernization affects significantly the mentality of Tanzanians, promoting the switch from traditional beliefs to the modern worldview, especially through modern education and mass media. At the same time, they note, the historically grounded inequality of Christians and Muslims, in regard to their access to education and consequently to prestigious positions, continues to be a serious problem on the path to the formation of a united Tanzanian nation. N.V. Gromova discusses the linguistic aspect of nation-building and analyzes the role of Swahili as a factor contributing to the consolidation of the Tanzanian nation. This language, she argues, has become a true intercultural communication means, for not only town dwellers but also residents of remote village communities do speak Swahili well today. E.S. Lvova's contribution is a study of women in contemporary urban milieu. By investigating the extent of the influence women exert on this milieu today, as well as on the development of the extended family, the author reveals important trends indicating the gradual rise of the woman's status within the society. She surveys important measures the Tanzanian government undertakes to involve women in political activities and state institutions.